

Военные
Приключения

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НЕКРОПОЛЬ

СЕРГЕЙ БОРТНИКОВ

Военные приключения

Сергей Бортников

Добро пожаловать в Некрополь

«ВЕЧЕ»

2015

Бортников С. И.

Добро пожаловать в Некрополь / С. И. Бортников — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Военные приключения)

Первые, самые тяжёлые, дни Великой Отечественной войны. Но часть гитлеровских войск, прорвавшихся на территорию Страны Советов, избегая открытых столкновений, держит путь в направлении знаменитых Шацких озёр, где руководство Третьего рейха собралось возвести секретный объект по производству тяжёлой воды. Помешать их планам старается капитан НКВД Ковальчук, оставшийся в тылу врага... Во второй части романа он противостоит уже наговской разведке, а в третьей к операции по поискам тайной лаборатории подключаются уже знакомые читателям по книге «Брусиловская казна» персонажи: писатель Сергей Бортнев и криминальный авторитет Владимир Кливанский.

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Бортников

Добро пожаловать в Некрополь

Часть 1

Тайная миссия

1. Бергхоф (резиденция фюрера в Баварских Альпах), декабрь 1938 года

Гитлер был чрезмерно взволнован и возбуждён. Вчера немецкие физики Отто Ган и Фриц Штрассман впервые в мире осуществили искусственное расщепление ядра атома урана, о чём ему только что доложил доктор Эрих Шуман – руководитель исследовательского отдела Управления вооружений сухопутных сил рейха. Это величайшее событие открывало прямой путь к созданию сверхоружия, о котором фюрер мечтал всю свою сознательную жизнь.

– Альберт!

– Я здесь, мой фюрер, – донёсся издали очень звонкий и сильный баритон.

Тонкая внутренняя дверь, соединяющая две смежные комнаты, распахнулась, и на ковровой дорожке, ведущей к столу, за которым, сторбившись, сидел рейхсканцлер, появился обладатель бархатного голоса – долговязый мужчина чуть старше тридцати с продолговатым бледным лицом и проникновенными глазами, исполненными напускного раболепия перед лидером нации.

Это был Альберт Шпеер – генеральный инспектор имперской столицы в сфере строительства. Несмотря на то что он ещё никогда не занимал высших должностных постов в германском государстве, человек очень влиятельный и достаточно могущественный. Окружающие называют его просто: «личный архитектор Гитлера». Такой статус позволяет открывать многие двери и предоставляет неслыханные возможности.

– Зиг хайль!

– Присядьте, друг мой... – фюрер, на которого угнетающе действовали любые проявления солдафонщины в неформальной обстановке, не отвечая на приветствие, хилой рукой указал на свободный стул.

– Спасибо, – верноподданно пробурчал Альберт.

– Можете меня поздравить. И не только меня. Всю нацию! Всю нашу великую Германию! Они наконец-то сделали это!

– Кто они? – повёл бровями Шпеер, хотя уже догадался, о ком пойдёт речь.

– Ещё немного, и в моих руках окажется самое смертоносное оружие в мире, которому не смогут ничего противопоставить ни Советы, ни тем более американцы с британцами! Я знал, я всегда знал, что Отто и Фриц опередят остальной научный мир!

Альберт был лично знаком со всеми физиками-ядерщиками империи, но разделять вслух восторг лидера нации по поводу их очередных успехов явно не торопился; он лишь одобрительно кивнул, продолжая увлечённо слушать своего разошедшегося кумира.

– Знаю, вас всегда интересовали эксперименты в этой отрасли...

– Так точно!

– Поэтому и предлагаю принять непосредственное участие в Урановом проекте!

– В какой ипостаси?

– Куратора...

– Ого! – вырвалось у Альберта.

– Пока только негласного. Неофициального. Но вскоре я надеюсь сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться!

– Яволь, мой фюрер! Я рад служить вам где вы сочтёте нужным. На любом участке. В любой, самой ничтожной, должности.

2. Полигон Куммерсдорф под Берлином

26 сентября 1939 года Управление армейских вооружений вермахта собрало ведущих специалистов Третьего рейха, чтобы обсудить возможность создания ядерного оружия. На встречу, которую вёл Альберт Шпеер, были приглашены всемирно известные учёные: Пауль Хартек, Ганс Вильгельм Гейгер, Вальтер Боте, Курт Дибнер, Фридрих фон Вайцзеккер и Вернер Гейзенберг.

Первый из них настаивал: атомную бомбу можно создать уже через 9—12 месяцев, остальные или соглашались, или же несмело возражали.

И хотя Альберт тоже проникся атмосферой всеобщего оптимизма, вслух ни намёка на шапкозакидательство он не проявлял. Напротив, всячески осторожничал и поэтому первым делом предложил засекретить материалы ядерной программы.

Сказано – сделано.

С тех пор многие научные организации практически ушли в подполье. Среди них такие «зубры», как: Физический институт Общества кайзера Вильгельма, Институт физической химии Гамбургского университета, Физический институт Высшей технической школы в Берлине, Физический институт Института медицинских исследований в Хайдельберге¹, Физико-химический институт Лейпцигского университета, Лаборатория неорганической химии Высшей технической школы в Мюнхене, где проводилось исследование карбонильных соединений урана, Химический институт Боннского университета, в котором под руководством профессора Ш. Монта изучали свойства галогенидов урана, Институт органической химии Высшей технической школы в Данциге...

Сразу после совещания знаменитый концерн «ИГ Фарбениндустри» приступил к производству шестифтористого урана, пригодного для получения урана-235, и начал сооружение полупромышленной установки по разделению изотопов. Она представляла собой две концентрические трубы, одна из которых (внутренняя) нагревалась, а вторая (наружная) охлаждалась. Между ними подавался газообразный шестифтористый уран; при этом более легкие изотопы урана-235 должны были подниматься вверх быстрее, чем тяжелые урана-238, что позволило бы отделять их друг от друга (метод Клузиуса – Диккеля).

Практически в то же время Вернер Гензенберг начал теоретические работы по конструированию ядерного реактора и вскоре пришёл к выводу, что «при смеси уран – тяжёлая вода в шаре радиусом около шестидесяти сантиметров, окружённом водой (около тонны тяжёлой воды и тысяча двести килограммов урана), начнется спонтанное выделение энергии». Одновременно он же рассчитал параметры реактора другого типа, в котором уран и тяжёлая вода не смешивались, а располагались слоями.

На основании этих расчетов компания «Ауэрге» получила заказ на производство небольших партий урана. Обеспечить бесперебойные поставки тяжёлой воды была призвана известная норвежская фирма Norsk Hydro. Одновременно во дворе Физического института в Берлине началось сооружение реакторной сборки.

Но вдруг на проект одна за другой обрушились серьёзные неудачи.

¹ Ещё его называют Гейдельберг – город на северо-западе земли Баден-Вюртемберг.

Сначала отказалась работать установка для разделения изотопов по методу Клузиуса – Диккеля, смонтированная в Леверкузене. От неё пришлось полностью отказаться. Так был потерян целый год...

Позже в ходе многочисленных разбирательств удалось установить, что учёные не смогли осуществить самоподдерживающуюся ядерную реакцию потому, что в Германии не было достаточного количества тяжёлой воды, используемой в качестве материала для замедлителя нейтронов, а более доступный графит немцы почему-то использовать не решились.

В связи с этим Шпеер и его высокий покровитель – Гитлер – начали искать на оккупированных территориях места, где молекулы тяжёлой воды могут находиться в естественной среде. Благо у их ног лежала вся Европа!

3. Берлин, Вильгельмштрассе 77, рейхсканцелярия, 20 июня 1941 года

За последние несколько суток Гитлер спал суммарно всего 2–3 часа, не более. Впрочем, он и раньше никогда не отличался особой сонливостью: ложился около 4 ночи, а вставал – в 10. Завтракал любимым мармеладом – и за работу!

Теперь же, накануне вторжения в СССР, сон и вовсе покинул фюрера. Оттого лишняя раздражительность, вспыльчивость, которую он, обычно мягкий и обходительный в общении с персоналом, часто демонстрировал в последнее время.

– Полковник Штольце! – тихо, чтобы в очередной раз не вывести шефа из себя, доложила секретарша – смазливая брюнетка лет 25.

– Немедленно пригласите! – не отрываясь от бумаг, небрежно бросил фюрер.

– Зиг хайль! – высокопоставленный сотрудник, а точнее, заместитель начальника второго отдела абвера (абвер-2), лично отвечающий за обеспечение и проведение диверсий за рубежом, как всегда, был строг и подтянут. Как-никак, за его плечами – Первая мировая и целая серия удачных спецопераций в странах Восточной Европы: Чехословакии, Югославии... Теперь пришёл черёд поручить ему первое задание на территории Союза Советских Социалистических Республик! Точнее, соответствующий приказ фюрер лично отдал ещё несколько дней тому назад. Пришло время отчитаться о проделанной работе!

– Присядьте, Эрвин!

– Спасибо, я постою.

– В ногах правды нет. Так, кажется, говорят русские?

– Так! – самодовольно подтвердил Штольце, в совершенстве владевший «великим и могучим».

– У вас всё идёт по плану?

– Так точно! Завтра утром пять диверсионных групп полка особого назначения «Бранденбург-800», в составе которых наши офицеры, прекрасно владеющие русским языком, и украинские националисты, переодетые в форму красноармейцев, форсируют Западный Буг и останутся в тылу противника до подхода основных сил. Две – в зоне ответственности Брестского пограничного отряда, три – на территории Украины: одна – в районе Владимира-Волынского, одна – у Крыстынополя, одна – возле Любомля².

– Очень хорошо... Когда первый сеанс связи?

– До поры до времени радиостанции находятся в специальных тайниках, заблаговременно оборудованных на приграничных территориях Страны Советов. По моему приказу разведчики могут незамедлительно воспользоваться ими, но ведь вы сами настояли на том, чтобы они вышли на связь ровно в три часа ночи с 21 на 22 июня...

² Владимир-Волынский, Любомль – ныне райцентры Волынской области Украины, Крыстынополь – теперь город областного подчинения Червоноград на территории Сокальского района Львовской области Украины.

– Ах да! Тишина в эфире – залог успеха... К тому же послезавтра там будут доблестные германские войска – тогда и наговорятся, не так ли?

– Так точно! А пока наши парни будут осуществлять намеченные мероприятия, согласно утверждённому вами плану. Брать под контроль мосты. Минировать пути отхода Красной армии и так далее, и тому подобное.

– Кому из командиров групп вы наиболее доверяете?

– Всем одинаково!

– И всё же. Я настаиваю!

– Любомльской. Лейтенанта Пухарта.

– Прекрасно. После выполнения задачи его бойцы не сольются с регулярными войсками, как мы намечали. Они будут привлечены для выполнения ещё одной сверхсекретной миссии в России.

– Есть!

– О сути задания они не будут знать ничего. А вот вас я постараюсь незамедлительно ввести в курс дела... Тем более что, если верить слухам, вы неплохо разбираетесь в физике и химии?

Лоб старого служаки (вот-вот Эрвину исполнится 50!) покрылся испариной. В технических дисциплинах он, в отличие от гуманитарных, был не очень силён.

А Гитлер продолжал всё в том же ехидном духе, наслаждаясь эффектом, который производила на разведчика его эрудиция:

– Тяжёлая вода... Вам известны её свойства?

– Никак нет, мой фюрер!

– Она практически не поглощает нейтроны и поэтому используется в ядерных реакторах для торможения этих частиц, а также в качестве теплоносителя. (Гитлер с удовольствием наблюдал за мимикой полковника, на лице которого легко читались восторг и неподдельное изумление.) Чтобы произвести наконец атомную бомбу и поставить на колени весь мир, Германии понадобится большое количество тяжёлой воды, а в оккупированных нами странах её практически нет. Зато полно в России, улавливаете мою мысль.

– Пока с трудом...

– По мнению наших учёных, тяжёлую воду в изобилии можно добывать вот здесь, – вождь ткнул пальцем в синее пятно на развёрнутой перед ним карте, и Штольце прочитал под ним: «Святязь».

Естественно, это чужое название полковнику ни о чём не говорило...

4. Волынская область Украины, зона ответственности 8-й заставы 98-го Любомльского пограничного отряда, 21 июня 1941 года

До начала и в первые месяцы Великой Отечественной войны Любомльский пограничный отряд войск НКВД УССР нес службу по правому берегу реки Западный Буг. Его штаб дислоцировался в небольшом городке с умильным названием Любомль. Этот населённый пункт давно облюбовали евреи. По одним данным, в 1940 году их было там 70 %, по другим – и вовсе свыше 90 % населения. Впрочем, к нашей истории эта статистика не имеет никакого отношения...

Командовал Любомльским отрядом подполковник Георгий Георгиевич Сурженко, заместителем начальника отряда по политчасти (а с введением института военных комиссаров – военкомом отряда) был старший батальонный комиссар Семен Яковлевич Логвинюк, заместителем начальника отряда по разведке – капитан Филипп Андреевич Ковалёв, начальником штаба – майор Виктор Андреевич Агеев.

8-й заставой командовал старший лейтенант Пётр Карпович Старовойтов. Он принял её совсем недавно – 5 июня, но уже знал здесь каждый кустик, каждую травинку.

«Гидом» по тамошней местности стал для него сержант Афанасий Третилов – потомственный казак из Ставрополя, служивший на хуторе Волчий Перевоз³, вблизи которого стояла застава, уже третий год.

В субботу 21 июня он был свободен от несения службы и, предварительно согласовав свои намерения с начальством, отправился на рыбалку. Бугские сазаны, достигавшие порой более пуда веса, давно не давали ему покоя.

В разговорах между собой пограничники шутили: «Здесь рыба не плавает, она летает!»

И вправду. Не успел Афанасий расположиться на своём коронном месте под разлогой ивой, нависающей над быстриной одного из поворотов, как услышал громкий всплеск воды.

Это гигантская рыбина взвилась вверх на добрый метр и с шумом хлюпнулась обратно в реку.

Сержант размотал самодельную удочку и забросил поплавок чуть ниже того места.

Спустя секунду всплеск повторился. Только уже левее. Зато длился он гораздо дольше.

Третилов повернул голову на звук и увидел рослого парня лет двадцати пяти. Тот вышел на берег и принялся надевать форму красноармейца, которая ранее находилась то ли в непромокаемом пакете, то ли в каком-то тайнике на советском берегу.

Афанасий навёл на незнакомца ствол и уже собирался крикнуть: «Стоять на месте!», когда из воды появился следующий атлет. За ним – третий. Спустя мгновение к ним присоединились ещё двое. Итого – пятеро, а у его винтовки всего пять патронов!

Да и как стрелять?

Вдруг это свои, русские? Разведчики, диверсанты, мало ли кто?

Не снимая пальца со спускового крючка, Третилов начал пятиться в сторону видневшейся на горизонте казармы. Как вдруг... Что-то острое ударило в бок, и дикая боль в мгновение пронзила тело.

– А-а! – отчаянным усилием воли сумев оторвать крепкую руку, пытавшуюся затиснуть ему рот, закричал пограничник и нажал на спуск.

5. Застава старшего лейтенанта Старовойтова, хутор Волчий Перевоз Любомльского района Волынской области УССР, 21 июня 1941 года

Красноармеец Капустин шибко уважал своего старшего товарища Афанасия Третилова. В тот день Степан был в наряде и шёл против течения реки Буг на несколько шагов впереди двух пограничников. Когда он услышал крик, ринулся вперед и сразу заметил какого-то бойца, бросившегося прочь от истекавшего кровью сержанта.

Молодого солдата словно переключило.

Он не стал, как учили, подавать команду голосом: мол, стой, стрелять буду, просто навёл свою трёхлинейку на мелькавшую впереди широкую спину и, не медля, выстрелил.

Убийца его друга упал лицом вниз.

Степан дождался товарищей по наряду и, определив их в боевое охранение, перевернул «труп» врага на спину. И вдруг тот шевельнулся, закашлялся и сплюнул кровью.

Оказывается, жив, курилка!

Капустин в мгновение вспомнил все наставления командиров и в первую очередь принялся внимательно изучать воротник незнакомца: если это диверсант, в чём он уже не сомневался, там должна быть капсула с ядом! Вскоре его рука и вправду что-то нащупала.

³ С 1969 года – деревня Старовойтово Любомльского района Волынской области Украины.

Солдат выхватил из рук шпиона окровавленный нож, надпорол им воротник и, вырвав с «мясом» клоч материи, положил себе в карман.

На звуки выстрелов сбежалась чуть ли не вся застава. Младший политрук Андрей Андреевич Бабенко приказал радисту сообщить в штаб отряда о ЧП и запросить помощь, а сам устремился вдогонку за диверсантами – с группой пограничников поспешил за собаками, сразу взявшими след.

Уже спустя минуту радист Коля Терёхин доложил ему содержание ответной радиogramмы: «Навстречу вам выслана тревожная группа во главе с капитаном Ковалёвым».

Погоня продолжалась недолго.

Бывалый разведчик Филипп Андреевич Ковалёв первым заметил врагов и дал залп сигнальными ракетами, указывая, таким образом, Бабенко точные координаты противника.

А бойкий политрук и так находился уже в сотне метров от того места.

Последний бросок – и враг окружён!

– Оружие на землю! Руки вверх!

Пятеро диверсантов сбились в кучу, не зная, что предпринять. Прекрасно обученные, физически сильные, до зубов вооружённые, они могли пройти пол-Европы и практически не встретить сопротивления, а здесь какие-то русские неучи, можно сказать недочеловеки, загнали их в глухой угол и вот-вот обезвредят! Ещё до начала похода на восток, старт которого запланировал на завтра их великий вождь!

Нет, лучше смерть, чем позор!

– Огонь! – скомандовал командир группы, и первый залёг в неглубокую ложбинку, где сразу прильнул к прицелу ручного пулемёта.

Завязался неравный бой.

Кольцо вокруг немцев, трое из которых уже пали замертво, всё сжималось и сжималось.

А ряды пограничников казались такими же монолитными и стройными. Хотя и среди них, конечно, были потери. Погиб сержант Макеенко, тяжело ранен рядовой Сушенцов...

– Приказываю сдаться! – улучив момент, ещё раз предложил капитан Ковалёв.

Немец ответил одиночным выстрелом. И промахнулся. А вот очередь из «Дегтярёва», почти сразу раздавшаяся в ответ, оказалась более точной и прошила ему снизу доверху весь левый бок.

– Добей меня, добей! – заорал лейтенант Пухарт, корчась от дикой боли.

Но последний из его подчинённых почему-то передумал умирать.

– Не стреляйте... Сдаюсь! – его вопль был полон отчаяния и безнадёги.

Лейтенант ещё попытался дотянуться до пистолета, чтобы последним выстрелом уложить предателя, но силы быстро покидали его.

Он только успел впиться зубами в ампулу.

И сразу затих, окружённый ненавистными красными воинами.

6. Любомль, районный центр Волынской области УССР, штаб 98-го погранотряда, 21 июня 1941 года

– Фамилия! – грозно пробасил Сурженко, соизволивший лично провести допрос оставшегося в живых нарушителя границы.

– Фишер...

– Значит, рыбак?

– Выходит так...

– Имя?

– Курт.

– Воинское звание! Я тебя за язык тянуть не буду!

- Рядовой...
 - Не врешь?
 - Никак нет. Рядовой полка особого назначения «Бранденбург».
 - Цель заброски... Ну же!
 - Не допустить уничтожения мостов и переправ, по которым уже завтра пойдут войска победоносной германской армии. Минировать пути отхода, передавать координаты наиболее стойких очагов сопротивления...
 - Ты чё такое несёшь, гнида? – не выдержал Ковалёв, присутствовавший при допросе.
 - Объясняю для малограмотных: завтра начнётся война! – чётко чеканя каждое слово, с презрением повторил диверсант.
 - Ох, ни фиги себе заявочка... Георгий Георгиевич, следует немедленно доложить руководству!
 - Да сколько можно, Филипп Андреевич? Разве ты не знаешь, что они ответят?
 - В том-то и дело, что знаю. «Не сейте панику, товарищи командиры...»
 - Вот видишь. Позвони лучше Потапову⁴, он человек мудрый, рассудительный. Пускай приведёт войска в повышенную боевую готовность. На всякий, так сказать, случай.
 - Слушаюсь, товарищ подполковник.
 - А ты, Курт, говори дальше, не стесняйся. Да, кстати... Где учил русский?
 - Дома. Отец воевал здесь в Первую мировую, попал в плен во время Брусиловского прорыва. Несколько лет содержался в лагере под Ковелем.
 - Выходит, земляк?
 - Почти.
 - Фамилия командира группы?
 - Не знаю.
 - Как ты к нему обращался?
 - Игорь.
 - А он к тебе?
 - Сергей.
 - И всё?
 - Так точно – всё.
 - Сколько вас было?
 - Шестеро. Одного застрелили ваши на границе.
 - Кто он?
 - Павел.
 - Ты что, сволочь, издеваешься надо мной, да? Фамилия, звание!
 - Не знаю. Ей-богу, не знаю...
 - Сержант!
 - Я!
- Сухощавый красноармеец среднего роста с обветренным азиатским лицом мигом вырос из-за порога.
- «Рыбака» – в расход! Всё равно с него толку, как с козла молока...
 - Как в расход? А закон, а конвенция?! – отчаянно взмолился пленник.
 - А ты каким законом руководствовался, когда шёл на мою Родину, какой конвенцией?
- Диверсантов ни одна армия в плен не берёт!
- Вспомнил, господин подполковник, вспомнил!.. Павел – радист.

⁴ Штаб пятой армии РККА, которой командовал генерал-майор Михаил Иванович Потапов, находился в областном центре Волынской области – городе Луцке; согласно мобилизационным планам, именно в его распоряжение в случае войны поступал весь личный состав Любомльского, Владимир-Волынского и ещё нескольких погранотрядов.

- Радист?
- Ну да... Я случайно услышал его разговор с командиром, как только мы переправились на ваш берег. «Где моя радиостанция?» – спросил Павел. «Много будешь знать – скоро состаришься, – ответил тогда Игорь. – Эфир – следующей ночью. А до неё ещё дожить надо!»
- Так и сказал «дожить надо»?
- Ага.
- Как в воду глядел твой командир.
- Точно... Русская народная мудрость, как всегда, оказалась права.
- Ладно, иди, а я пока с Павлом побеседую.
- Он жив?
- Любопытной Варваре на базаре нос оторвали... Товарищ сержант, уведите пленного!
- Расстрелять его, товарищ подполковник? – улыбнулся в роскошные усы красноармеец.
- Не надо. Я передумал. Пусть поживёт. До утра.
- Слушаюсь!
- Посади под замок и приведи второго!
- Есть!

7. Штаб Любомльского погранотряда, 21 июня 1941 года, спустя полчаса

- Ну как, капитан, удалось дозвониться до командарма Потапова?
- Так точно.
- И что Михайло Иванович?
- Говорит, что ему и так каждый день докладывают о перебежчиках.
- Так то ж не перебежчики – дипломированные диверсанты. Профессионалы!
- Ну и приказал отправить копии допросов. Мол, почитаю, разберусь...
- Когда разберётся-то? Завтра война!
- Товарищ подполковник, давайте доложим обстановку Белоцерковскому⁵. Пускай выделит человечка, так сказать, для очистки совести. Сами знаете, лучше перебдеть, чем недобдеть.
- Ладно. Докладывай. А я пока с германским радистом потолкую. Сержант Причиненко! Дверь скрипнула.
- Разрешите? – поинтересовался всё тот же усач и, не дожидаясь ответа, кивнул двум своим братьям, крепко держащим носилки, на которых страдал молодой человек с измождённым жёлтым лицом.
- Заводите.
- Правильнее сказать – заносите!
- Делай, что тебе говорят, умник.
- Есть...
- Носилки положили на стол прямо перед носом Сурженко, чтобы ему было сподручнее сверху вниз смотреть на раненого диверсанта.
- Ваша фамилия и звание?
- Рядовой Вилли Штофф.
- А Серёга утверждает, что ты офицер.
- Откуда ему знать?
- Твоя правда...
- Он сам лейтенант – никак не ниже. Как Игорь.
- Кто тебе такое сказал?

⁵ Майор госбезопасности Иван Митрофанович Белоцерковский (1907–1941) в предвоенные годы возглавлял управление НКВД в Волынской области УССР, с началом ВОВ – начальник Особого отдела 5-й армии РККА.

- Никто. Глаза и уши имеются.
- Поясни!
- Когда нас готовили к заброске, Штольце только с ними двумя имел дело.
- Штольце... Знакомая фамилия! – не моргнув глазом, соврал Сурженко.
- Это один из руководителей отдела, занимающегося диверсиями на Восточном фронте.
- Даже такой есть?
- Будет. С завтрашнего дня.
- Понял. Среди ваших личных вещей – шифровальный блокнот и сухие анодные батареи.

А рация где?

- В тайнике.
- Проведите меня к нему.
- Мне неизвестно его месторасположение.
- А кому известно?
- Игорю.
- Ну да... Есть на кого свалить.
- Почему вы так говорите? Он что, мёртв?
- Мертвее не бывает. А ты смекалист, братец...
- Учили...
- Когда первый сеанс связи?
- В три часа ночи.
- Сегодня?
- Завтра...
- Ясно. Ключом работать сможешь?
- Так точно. Но как вы обнаружите наш тайник?
- А мы не будем даже пытаться его искать. Ты передашь нашему человеку шифры и пароли; он и свяжется с твоим руководством.
- Не выйдет. У них есть образец моего «почерка».
- Тогда сам сядешь за рацию и без фокусов отобьёшь нужный текст. Или ты не хочешь жить?
- Хочу, господин подполковник...
- Это в вашей армии есть господа, а в нашей – товарищи. Хотя какой я тебе, а ты мне, к чёрту, товарищ?.. Враги мы с тобой, братец. Кровные враги!
- Я не враг. У меня отец – рабочий. Токарь.
- Снаряды точит на наши головы?
- Нет-нет. У него мирная специализация. Сантехника. Краны, коленья.
- Бреши, да не заговаривайся! Выйдешь в эфир?
- Так точно... Однако вам придётся учесть ещё одну немаловажную деталь...
- Какую?
- Подчинённые Штольце обязательно замеряют мощность передатчика, с которого идут радиogramмы в Центр, и если они не совпадают...
- Не бойся, Вилли, всё будет путём... Мы подберём тебе прибор с соответствующими параметрами! Свободен! То есть... Выносите его, товарищ сержант!

8. Там же, через четверть часа

- Разрешите, товарищ подполковник?
- Это Ковалёв наконец вернулся в кабинет начальника отряда.
- Входи, Филипп Андреевич. Ну, как там наше руководство?
- Здравствует!

- Бдительность усилить не призывает?
- А как же. Призывает. Но на провокации поддаваться не рекомендует.
- Эх, вынуть бы их из тёплых кабинетов – и к нам, в блиндажи... Чтобы собственными глазами поглядели на эти, так сказать, провокации!
- Согласен. Разрешите выполнять?
- Они оба рассмеялись.
- Что радист? Соглашается работать на нас?
- А куда ему деваться? – вопросом на вопрос ответил Сурженко. – Что ты всё спрашиваешь и спрашиваешь? Кто, чёрт возьми, из нас начальник? Так что давай докладывай. Как положено по уставу. Кратко, по существу!
- Есть! – улыбнулся Ковалёв, давно досконально изучивший весёлый нрав своего командира. – Пришлют к нам человека. Сегодня же.
- Кого, если не секрет?
- Капитана Ковальчука⁶.
- А... Иван Иваныча. Знаю такого. Мужик, что надо! Кремень!

9. Там же, 20:00 21 июня

Любая машина, появляющаяся на единственной дороге, ведущей к хутору Волчий Перевоз, летом была видна издалека. Её выдавал огромный столб пыли, поднимающийся позади движущегося транспорта.

Так было и в этот раз.

Сначала – «песчаная буря», затем – автомобиль.

За его рулём – сержант госбезопасности, справа, рядом с ним – дюжий мужчина средних лет, рано начавший седесть и лысеть. В тёмно-синих петлицах шерстяного френча цвета хаки с накладными карманами – продольный серебряный жгут, на каждом из рукавов – по три шитых серебром звезды.

– Капитан госбезопасности Ковальчук, прошу любить и жаловать!

Филипп Андреевич услужливо приоткрыл дверцу машины и козырнул:

– Заместитель начальника отряда по разведке капитан Ковалёв.

Тот – капитан, и этот – капитан. Один служит в НКВД и второй – тоже, а положеньице разное. Госбезопасность – серьёзная структура, тягаться с ней тяжело даже могущественным и влиятельным погранвойскам.

– Капитан Ковальчук. Можно просто – Иван Иванович, – скромно, без лишней помпы представился приезжий. – А где Георгий Георгиевич?

– У себя в кабинете!

– Накрывает стол?

– Так точно.

– Не откажусь с дороги, не откажусь...

– Проходите... Сюда, пожалуйста... Встречайте дорогого гостя, товарищ подполковник.

– Иван Иваныч! – как лебедь раскинул в стороны длинные руки-крылья гостеприимный хозяин. – Сколько лет, сколько зим?

– Всего-навсего два года. Если мне не изменяет память, последний раз мы встречались летом тридцать девятого. На Всесоюзном совещании.

– Так точно, Ваня, так точно. Надеюсь, мы по-прежнему на «ты»?

– Конечно, дорогой Георгий Георгиевич. Как жизнь?

– Нормально.

⁶ Капитан Ковальчук – главный герой романа Сергея Бортникова «Брусиловская казна». М., Вече, 2014.

- А служба?
- Тоже ничего... Здешний люд нам шибко помогает. Увидят чужого или заметят что-то подозрительное, сразу сигнализируют куда надо.
- Мне нравы наших людей знакомы не понаслышке. Я местный, Жора.
- Да? Извини, не знал...
- Моя родная деревня всего в пятидесяти километрах от этих мест. Кашовка⁷, может, слышал?
- Никак нет.
- Я слышал, – вмешался в разговор старых знакомых Филипп Андреевич. – Когда мы ездили на полигон в Повурск, то по дороге останавливались в Софьяновке и собирали грибы. А Кашовка – рядом.
- Так точно. В речке нашей купались?
- Стоходе?
- Ага.
- Нет. Не пробовал. Сентябрь уже был. Не жарко.
- Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать? – вспомнил о своей миссии Сурженко. – Ты что будешь, Ваня?
- С удовольствием выпью грамм двести нашей полесской горилки. Если есть, конечно.
- Есть, Иван Иванович. Для тебя всё есть!
- Подполковник достал из шкафа выпуклую стеклянную ёмкость времён Российской империи, до краёв наполненную мутной жидкостью, и поставил её рядом с закупоренными бутылками «казёнки». На разлив, как и полагается, определили младшего по званию.
- Ну, за что пить будем? – справившись с задачей, поинтересовался Ковалёв.
- Сначала за встречу. Потом за победу...
- Какую победу? Война ещё не началась, – вставил свои «пять копеек» Филипп Андреевич.
- Затем – за прекрасных дам, – проигнорировал его реплику Ковальчук. – Та будет последней – больше трёх не пью. А относительно войны вот что я скажу, братцы. Её не избежать. Хотим мы этого или нет. А будет война – будет и победа. Наша победа!

10. Там же, ещё через полчаса

- После сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать... – зевнул Сурженко.
- У нас был не обед – ужин. Поэтому спать сегодня вряд ли доведётся, – развил и углубил его мысль Ковальчук.
- Это точно! – уж больно кисло улыбнулся Ковалёв. – А может, всё-таки кемарнём немного? Сейчас – двадцать тридцать, эфир – в три часа ночи... Как по мне, вполне достаточно для того, чтобы отдохнуть после тяжёлого трудового дня.
- Нет. Я так не могу, – авторитетно возразил Иван Иванович. – Или восемь часов, или ничего.
- Восемь часов сна для пограничника роскошь, – стал на сторону своего зама по разведке Георгий Георгиевич. – Немного подремать – лучше думать будем.
- Я буду бодрствовать, а вы – как хотите. Только, перед тем как лечь спать, потрудитесь распорядиться, чтобы ровно в полночь сюда привели обоих диверсантов.
- Есть!

⁷ Кашовка – деревня раньше в Голобском, теперь в Ковельском районе Волынской области Украины; Софьяновка – село в соседнем Маневичском (Маневицком) районе той же области.

11. Там же, 22 июня 1941 года, 0 часов, 1 минута

- На каком языке вам удобнее разговаривать: на русском или немецком?
- А вам? – подозрительно покосился на чекиста Фишер.
- Естественно, на родном.
- Пленные переглянулись.
- Нам тоже, – выразил общее мнение Вилли Штофф, рана которого быстро заживала. Теперь он мог уже и сидеть, а не только лежать.
- Яволь... Шпрехе Дойч... Я – капитан госбезопасности Ковальчук. Как и вы, кадровый разведчик, диверсант. Поэтому буду предельно откровенен.
- Это хорошо, – скривил рот в улыбке радист.
- Как вы думаете, не обломает ваш долбаный фюрер о матушку-Россию свои кривые зубы?
- Нет. Не обломает. Держу пари, к концу осени он будет принимать парад доблестных германских войск на Красной площади, – зло блеснул синими глазами Курт. – Поэтому вам лучше отпустить нас. Как говорят русские, зачтётся!
- Поживём – увидим. Пока сверху, на коне, я... А вы где-то там, внизу, под копытами... И за ваши жизни никто не даст ломаного гроша. Даже всемогущий Адольф Гитлер.
- Посмотрим...
- Если будете живы! А это теперь зависит исключительно от меня.
- Что вы предлагаете? – еле выдавил Вилли, который показался Ивану Ивановичу менее злобным и более сговорчивым.
- Предлагаю сделку. Вы сообщаете в Центр, что всё в порядке, и спокойно дожидаетесь, когда наши танки войдут в Берлин. Поверьте, много времени для этого не понадобится... Мы сбрасываем вашего фюрера и устанавливаем в Германии рабоче-крестьянскую власть, а вас, соответственно, устраиваем на государственную службу. Как вам такая перспектива?
- Вроде бы неплохо...
- А если всё пойдёт иначе? – засомневался Фишер. – Так, как запланировал наш, а не ваш вождь?
- Тогда вас расстреляют. Свои же.
- Вот видите!
- Но... Но сегодня хозяин положения я. И, поверьте, без малейших угрызений совести пушу по пуле в обе ваши безмозглые головы, как только вы откажетесь от сотрудничества с нами. Так что выбора у вас по большому счёту нет. Ровно в три часа ночи Вилли выйдет на связь. И если что-то пойдёт не так, вы оба – покойники. Ясно?!
- Так точно! – в один голос по-русски заверили испуганные диверсанты.

12. Там же, 22 июня 1941 года, 3 часа ночи

Вилли лихо отбарабанил пароль. В ответ донёсся слабый и поначалу не очень чёткий сигнал. Но вскоре неизвестный германский «пианист» смог перенастроить передатчик, и слышимость сразу значительно улучшилась.

Отмечая это, Терёхин, контролировавший радиообмен в эфире по своей радиостанции, поднял вверх большой палец правой руки.

Находящийся на родине немец, ничего не подозревающий о том, что его слушают нежелательные лица, основательно разошёлся и с сумасшедшей скоростью отбивал одну группу знаков за другой.

Николай еле успевал записывать.

Когда он закончил, Штофф отправил какой-то загадочный знак и только после этого отдал команду «конец связи».

Терёхина такое поведение неслыханно разозлило:

– Товарищ капитан, что-то юлит эта сволочь!

– Почему ты так думаешь?

– Сигнал. Он подал своим хозяевам какой-то сигнал.

Иван Иванович выхватил из кобуры пистолет и приставил его к виску пленника:

– Не послушал ты меня, Вилли. И себя подвёл под монастырь, и своего товарища!

– Это неправда...

– О чём ты предупреждал своих боссов, ну же...

– Ни о чём, клянусь!

– А что за знак послал в эфир?

– Когда?

– Перед самым концом связи...

– А... Это значит, что всё в порядке. Никто мной не руководит, и я не веду двойной игры.

– Коля, может такое быть?

– Так точно.

– Вот видишь, значит, напрасно мы волновались!

– Конечно, напрасно, – закивал головой Штофф. – Ведь, если бы я хотел кого-то предупредить, то сделал бы это в начале эфира.

– Брешет он. Нутром чую, – недоверчиво покачал головой Терёхин.

– Сейчас проверим. Ну-ка, Вилли, расшифруй нам эту белиберду.

– «Поздравляю с успешным выполнением задания. Ждите наши войска в заданной точке».

– Всего-то? Вон сколько он наворочал. Наверняка целую инструкцию прислал.

– Нет. Слово чести! Всё так, как я сказал.

– Ладно. Верю. А теперь, Коля, ты возьми его блокнот и попробуй разобраться, правду говорит наш друг или нет.

– Но!.. – несмело запротестовал Штофф.

Однако Коля уже сопоставлял знаки и комментировал вслух:

– «У вас новое задание. 22 июня в 12:00 вы должны выдвинуться в район озера Свитязь к урочищу Гряды и ждать нашего человека. Пароль “Штольце”, отзыв “Шпеер”. После чего полностью поступаете в его распоряжение. Если встреча по каким-то причинам не состоится, повторяйте попытку через каждые два часа...» Я же говорил – юлит!

– Ах, Вилли, Вилли, – Ковальчук почесал макушку своим «ТТ» и нарочито громко добавил:

– Расстрелять. Обоих!

13. Берлин, радицентр разведуправления, 22 июня 1941 года, 3 часа с четвертью

Полковник Штольце был взбешён. Группа, командиру которой он доверял больше остальных, не выполнила задания, не достигла цели.

Как, как доложить об этом фюреру?

Операция «Тяжёлая вода» у него под неусыпным личным контролем! И днём, и ночью!

Хорошо ещё, что радист догадался подать тайный знак, означающий, что группа разоблачена. Но, к сожалению, сделал это только после того, как ему передали приказ о новом задании... Следовательно, если враги перехватили депешу (в чём Штольце уже не сомневался), то могут послать в 12 часов на Гряды своего человека, и тогда Профессору – конец.

Впрочем, как говорят русские, и шут с ним.

Слава богу, о его существовании Гитлеру ничего не известно...

Фу... Штольце вытер пот с чела...

«Нет, о провале я докладывать не стану. Через считанные минуты начнётся война, и тогда Советам будет не до шпионов, не до Профессора и не до тяжёлой воды. Это точно.

А выполнение задачи, ранее возложенной на Пухарта, перепоручу диверсионной группе, заброшенной на территорию СССР через зону ответственности Брестского отряда. Её командир уже вышел на связь. Никаких проблем у него нет. Так что, при удачном стечении обстоятельств, и он может успеть к 12 часам. Тогда Профессор будет спасён».

– Юрген! – тихо бросил Штольце.

Один из трёх радистов поднялся с места:

– Я!

– Передайте для четвёртого шифрограмму. Текст будет тот же, что и для третьего.

– Есть!

14. Хутор Волчий Перевоз, 22 июня 1941 года, 4:00⁸

Гитлер отводил своим полководцам ровно полчаса на то, чтобы подавить все очаги сопротивления советских пограничников.

Но, как говорят в Украине, «не так сталося, як гадалося»... Хотя в четыре часа ночи на отважных стражей наших рубежей обрушилась вся военная мощь Третьего рейха.

После двухчасовой артподготовки на позиции 8-й пограничной заставы пошёл батальон вражеской пехоты. Пётр Карпович организовал два сектора обороны. Первый, который он возглавил лично, находился в районе моста через реку Западный Буг, второй – под командованием замполита Бабенко – непосредственно возле помещения заставы.

Первая атака фашистов захлебнулась.

Но уже к восьми часам утра на мост со станции Дорохуск⁹ прибыли два немецких бронепоезда и сразу же открыли массированный огонь по мужественным советским пограничникам. Почти все защитники моста при этом погибли. Лишь пятеро уцелевших бойцов и тяжело раненый старший лейтенант Старовойтов под вражескими пулями сумели добраться до 3-го блокгауза.

Яростно отбивалась от врага и группа политрука Бабенко, противостоящая двум пехотным ротам нападающего противника. Особым упорством отличались младший сержант Малый, красноармейцы Горюнов и Яковлев, которые точными очередями из пулеметов заставили залечь вражеские шеренги. Отважно сражались также заместитель политрука Прищепа, пограничники Смолин, Хашлаков.

Но на мост, оставшийся без охраны, уже вползали немецкие танки. За ними шли два полка пехоты с артиллерией. А на заставе из 66 осталось всего лишь 20 бойцов, способных держать оружие.

Вскоре немцы выкатили три пушки для стрельбы прямой наводкой и стали расстреливать из них 1-й и 3-й блокгаузы. По 2-му, в котором находился Бабенко, огонь вели минометы. Под их прикрытием враг снова и снова поднимался в атаку.

⁸ Глава написана по материалам докладной записки начальника войск НКВД по охране тыла Центрального фронта полковника Серебрякова и начальника штаба полковника Малого «Из характеристики боевых действий Любомльского пограничного отряда в первые дни войны» от 1 февраля 1943 года.

⁹ Теперь на территории Республики Польша.

Однако наиболее горячий бой разгорелся не здесь, а в районе 1-го блокгауза, к которому прорвалась вражеская пехота. Остановить её наши воины смогли, лишь бросившись в рукопашную контратаку!

Чуть позже немцы подобралась и к 3-му блокгаузу, к тому времени получившему значительные повреждения. Пограничники во главе со старшим лейтенантом Старовойтовым отбивались чем могли и как могли. Несмотря на три ранения, Петр Карпович постоянно улыбался и подбадривал своих подчинённых. Но гитлеровцы подползли к укрытию и забросали его гранатами. Начальник заставы погиб.

Десять уцелевших красноармейцев продолжали бой с немецким батальоном, который окружил последний 2-й блокгауз. Осколком в лицо был ранен Хашлаков, еще один осколок попал в спину Андрею Бабенко, в бедро был ранен Спиридонов, но, несмотря ни на что, все они оставались в строю и оказывали ожесточённое сопротивление вооружённому до зубов врагу.

После очередного обстрела Бабенко приказал перебраться из сруба (бойницы и смотровые щели были забиты землей) в ходы сообщения.

И, как оказалось, вовремя...

Спустя несколько минут к блокгаузу подползли два сапера и заложили взрывчатку. Мощным взрывом оборонительное сооружение было уничтожено, а лазейку, в которой укрылись последние защитники заставы, основательно забросало землёй.

Один из фашистов решил раскопать вход в траншею и был застрелен красноармейцем Хашлаковым. Но на звук выстрела сбежалась вся гитлеровская свора.

По команде офицера солдаты стали снимать землю и сдирать деревянное перекрытие. Первым к входу спустился командир немецкой группы и сразу получил пулю из пистолета Бабенко.

Остальные принялись долбить дыру прямо над головами пограничников. Те и тут не растерялись: дружно подняли кверху стволы винтовок и дали залп по оккупантам, глядевшим в проделанное отверстие.

Так, с переменным успехом, бои длились до самой ночи. А с наступлением темноты внезапно прекратились. Фашисты просто не решались приближаться к смертоносной траншее.

Андрей Бабенко в это время решил осмотреть своё нынешнее укрытие. Один выход был полностью завален, отрыть его не представлялось возможным. У второго, расчищенного немцами, горел костер и дежурил патруль с пулеметом.

Уходить решили через дыру в перекрытии. Один за другим мужественные пограничники покинули траншею и вскоре собрались в районе столовой. Еще два часа после этого они наблюдали за заставой, надеясь найти хоть кого-то из живых товарищей, но безрезультатно. И только тогда стали пробираться к своим.

На рассвете 23 июня им встретился местный житель, показавший тропу, ведущую к деревне Гуца. Вскоре группа Бабенко вышла в зону, контролируемую бойцами 45-й стрелковой дивизии, и вместе с ними продолжила отступление до Ковеля...

Своё дело они сделали – за первый день войны силами одной заставы уничтожили свыше 400 немецких солдат и командиров.

15. Любомльский, Шацкий районы Волынской области Украины, ночь с 21 на 22 июня

Ковальчук не стал дожидаться, когда первые снаряды упадут на его родную землю, – переделся в гражданский костюм, предоставленный схожим по комплекции подполковником Сурженко, сел в автомобиль и помчался в сторону местечка Шацк, где у него было много знакомых, среди которых в первую очередь местный участковый Владимир Тур.

К нему и направлялся наш герой.

Ровно в четыре утра с запада донёлся страшный гул. Причину его Иван Иванович не мог понять, пока над трассой, по которой бежала его машина, не появилась армада самолётов с крестами на бортах. Спустился пятнадцать минут – вторая, затем – третья.

«Это война! Не ввали диверсанты!»

Нет, капитан не паниковал и совершенно не боялся за свою шкуру. Надо будет отдать жизнь за советскую власть – он сделает это без малейших раздумий!

Но, чтобы погибнуть, особого героизма не требуется.

Сначала следует сделать всё, чтобы нанести врагу как можно больший урон. Этому его учили всю жизнь.

«Я возьму этого Профессора и узнаю, что затеяли фрицы. А там – посмотрим», – решил контрразведчик.

К счастью, Владимир Михайлович Тур был дома. И, как ни странно, уже не спал, хотя на часах не было ещё и пяти утра.

– Что же это такое творится, а, Ваня? – наивно вопрошал он, указывая на чёрное от самолётов небо, – разговор происходил во дворе его дома.

– Война, братец... Страшная война пришла на нашу землю.

– Прут и прут... Аж солнца не видать. А наши, наши соколы где?

– Сам удивляюсь... Хоть бы какой истребитель взлетел, пульнул хоть раз в эту чёртову стаю, пускай даже для приличия.

– Точно.

– Но у нас с тобой другая задача.

– Какая?

– Где находится урочище Гряда, знаешь?

– Ну, ты и спросил! Это ж самое козырное место на озере Свитязь.

– К двенадцати мы должны быть там.

– Понял. Значит, выйдем в 11:30.

– Не выйдем, а выедем.

– Ты с машиной?

– Да.

– И где она?

– Посмотри направо!

– Ух ты, красавица... А за рулём кто?

– Наш человек. Сержант Пахомов. За сколько времени доедем?

– Минут за пять-десять.

– Хорошо. В 11:45 взлетаем!

16. Урочище Гряда Шацкого района Волынской области Украины, 22 июня 1941 года, 12:00

Иван Иванович посмотрел на часы. Пора! Тем более что по единственной безлюдной дороге, ведущей к озеру, уже минут пять ходил взад-вперёд высокий, ухоженный, несколько щеголеватый мужчина не старше 45 лет в элегантном светлом костюме, сразу выдававшем в нём приезжего.

Ковальчук оставил машину за поворотом, чтобы незнакомец не увидел её раньше времени, и пошёл пешком.

– Штольце...

– Шпеер!

– Очень приятно.

– Взаимно. Как ваше настоящее имя?

- Я сам его забыл.
- Отвечайте! Вы поступили в моё распоряжение, а не я в ваше! – надменно выдавил франт.
- Рудольф, – на всякий случай назвался именем Пухарта капитан.
- Я представлял вас более молодым.
- Принимайте какой есть. Что делать?
- Не торопитесь, Руди... Как я понимаю, наши... ваши войска немного застряли на границе?
- Похоже на то.
- Вы прекрасно говорите по-русски!
- Стараюсь!
- А по-немецки?
- Проверяете? Напрасно... Большевикам всё равно скоро капут... Они драпают на восток так, что только пятки сверкают. До нас им никакого дела нет. И, надеюсь, не скоро будет!
- Это правда, – улыбнулся пижон, как мысленно окрестил его Ковальчук. – Вы с транспортом?
- Да.
- Великолепно.
- Далеко ехать?
- Нет. Километра три. На другой берег.
- Слушаюсь, господин...
- Зовите меня просто – Профессор.
- Яволь!

17. Село Свитязь Шацкого района Волынской области Украины, 12:20

Профессор выбрался из машины, осмотрелся и жестом указал на лежащие впереди непролазные чащи, посреди которых петляла узкая звериная тропа:

– Сюда.

Ковальчук и Тур едва поспевали за ним.

Вскоре посреди леса выросла заброшенная хижина, огороженная очищенными от коры стволами молодой сосны, сикось-накось прибитыми по горизонтали к столбам из такого же сырья. Рядом с ней – хлев, колодезь. Всё, как полагается в полесских сёлах.

– Здесь! Здесь мы будем дожидаться подхода основных сил, – сказал, словно отрубил, Профессор, усаживаясь на свежеевыкрашенную скамью, глубоко вкопанную в землю.

«Значит, тут и раньше кто-то хозяйничал, – мысленно отметил Иван. – И куда только смотрели бойцы местного отделения НКВД, ума не приложу?!»

А вслух полюбопытствовал:

– Каких таких сил?

– Не ваше дело! – грубо отрезал обладатель светлого костюма, чем окончательно вывел из себя опытного чекиста.

– Принимай клиента, Владимир Михайлович! – скомандовал капитан.

– Есть!

– Для начала как следует обыщи его.

– Что, что вы себе такое позволяете? – завизжал пижон, когда руки участкового стали шарить по его карманам.

– Заткнись, сука! – Иван Иванович слегка оттянул назад правую руку и резким, отшлифованным за долгие годы ударом заехал под дых этому «дерзкому, самовлюблённому

типу» (такую характеристику он дал Профессору с первой минуты знакомства), надолго отправив наглеца в нокаут.

– Здесь только удостоверение, – сообщил участковый.

– С фотографией?

– Так точно!

– А ну-ка, давай его сюда... «Профессор Селезнёв Вениамин Сигизмундович, Киевский политехнический институт», – прочитал вслух чекист. – А что, похож! – добавил с улыбкой, мысленно наслаждаясь неожиданно созревшим в его голове хитрым планом.

Тур тем временем взвалил себе на плечи недвижимую тушу и поволок её в машину.

– Что делать с ним?

– Пускай пока полежит возле тебя на заднем сиденьи. До Шацка он вряд ли оклемается. Когда я выйду, пересядешь на моё место. И вперёд, через леса, на соединение с нашими войсками.

– А дальше?

– Дальше... Потребуешь встречи с командиром и передашь эту гадину в руки особистов. Те знают, что с ним делать!

– А вы, товарищ капитан? – испуганно поинтересовался сержант Пахомов, обычно немногословный и никогда не задающий лишних вопросов.

– Я остаюсь на Свитязе. Курортный сезон только начинается...

18. Урочище Гряда, 23 июня 1941 года

Каково истинное положение дел на фронте, Ковальчук, естественно, не знал. Но, когда в 14:00 на Гряде никто не появился, понял: не так всё хорошо, как надеялись фашисты.

И правда... 23 июня 1941 года группа пограничников из 40 человек под командованием капитана Климова остановила беспорядочный отход подразделений 61-го и 253-го стрелковых полков западнее города Любомль, освободила из окружения командира и личный состав 61-го стрелкового полка и пошла в наступление, нанося противнику значительный урон.

Вечером 23-го и весь день 24 июня отряд оборонял подступы к Любомлю, сдерживая наступление превосходящих сил противника.

Как уже говорилось, Ковальчук ничего об этом не знал. Но верил, что врага остановят, разобьют, погонят, как собаку, на запад. Без задних ног, то есть лап!

Появляясь в условленном месте под личиной Селезнёва, он конечно же очень рисковал, ибо враг, скорее всего, уже знает о провале Пухарта и предпринимает соответствующие меры. Но какое-то внутреннее чувство (опыт, интуиция?) подсказывало контрразведчику, что он на правильном пути.

Ровно в 18:00 на горизонте «нарисовался» высокий и стройный лейтенант РККА, через каждые 10–15 секунд нервно поглядывающий на свои новенькие «Командирские» часы.

Иван Иванович остановился у ствола могучей берёзы так, чтобы его сразу могли заметить, и равнодушно устался в другую сторону.

Офицер перешёл на бег.

– Штольце! – выдохнул он, тяжело дыша.

– Шпеер... – отозвался чекист.

– Приказано поступить в ваше распоряжение! – чётко отрапортовал диверсант.

– Хорошо. Вы один?

– Никак нет. Нас трое. Ещё столько же членов моей команды навсегда остались в белорусских болотах...

– Что поделать – война... Как вас величать?

– Генрих.

– Я для вас Профессор.

– Яволь!

– Давайте сюда своих людей. Будем через лес пробираться к месту дислокации...

– Слушаюсь!

«Лейтенант» свистнул. Откуда-то из кустов сразу появились двое его товарищей – ободранные, чумазые, совсем не такого бравого вида, как их командир.

«Да, ничего не скажешь, здорово потрепали вас наши парни!» – про себя ухмыльнулся капитан.

19. Хутор на Свитязе, 23 июня 1941 года

К лесному домику добрались без приключений. Сорвали замок и открыли дверь. Трогать окна не стали... Внутри помещения всё было, как в казарме: шесть кроватей, по три в каждой из комнат, и четыре тумбочки. Больше ничего.

– Располагайтесь, господа! Чувствуйте себя, как дома. В Альпах или на берегах Рейна.

– Данке шён, – лейтенант с сапогами завалился на чистую постель и закурил. – Вася – в боевое охранение, Паша – отдыхать!

– Есть!

– Подъём в 20:00.

Время тянулось необычно медленно.

«И какой с меня, к чёрту, Профессор? Не дай бог что-то спросят по химии или механике, – сразу клямка! Нет, зря я вляпался в эту авантюру, – думал Иван Иванович. – Без приказа, без связи... Где был? Почему не бросился с голыми руками на врага? Попробуй потом докажи, что у тебя не было иного выхода, что действовал строго по ситуации в интересах родной страны... Хоть бы Тур вышел к основным силам и доложил, кому следует, обо мне, а то шлёпнут свои же, если выживу, – и жалуйся потом кому хочешь, хоть Господу Богу, если он есть, конечно!»

Ровно в восемь вечера Василий вернулся в дом, разбудил товарищей, а сам улёгся спать.

Паша сменил его на посту.

А лейтенант, которого они между собой называли Григорием Ивановичем, остался бодрствовать в одной комнате с Ковальчуком.

– Что не спите?

– Не положено. В 21:00 – эфир... А мне ещё надо подготовить радиостанцию. Нашу пришлось оставить в тайнике под Брестом. Тащить с собой тридцатикилограммовый «Телефункен» не было никакой возможности. Вы не против помочь?

– С удовольствием.

«Блин, только этого мне и не хватало. И так жизнь на волоске... А если тот сигнал, что подал Вилли, на самом деле предупреждение об опасности, тогда и этот волосок будет оборван... Нет, непохоже... Иначе бы меня грохнули прямо на Гряде!»

Такой вывод действовал успокаивающе, и капитан следом за лейтенантом, так и не накинувшим на плечи гимнастёрку, поплёлся на улицу.

«Какое-то время у меня есть. Сутки-двое или час-другой, пока неясно, но есть!»

Григорий тем временем зашёл в хлев, разворотил копну сена и спустя мгновение выгасил на свет новенькую, в смазке, радиостанцию. Проверил комплектность и удовлетворённо хмыкнул:

– Всё на месте!

– Гут! – разделил его радость Ковальчук.

«А может, прибить его и закопать в сарае, а самому пуститься наутёк? Нет, я должен досмотреть эту комедию до конца!»

- Помогайте!
- Что делать?
- Несите «Телефункен» наверх!

Вдвоём они еле затащили радиостанцию на чердак. Лейтенант размотал антенну с грузом и через незастеклённое окно забросил её на ближайшее дерево. Затем щёлкнул тумблером. Приёмник захрипел, засвистел... Диверсант начал крутить верньер¹⁰, но нужная частота всё время куда-то уплывала.

– Райс...¹¹ Кварц полетел! – прокомментировал он раздражённо. – Надо будить Василия. У него есть запасной.

«Тут мне и конец!» – подумал Ковальчук, искренне сожалея о том, что вместе с удостоверением сдал верного друга тэтэшника подполковнику Сурженко. Как положено – под расписку.

– Ремонт много времени займёт? – спросил он.

– Нет. Минутное дело... Слушайте, герр Профессор, поднимете, пожалуйста, его сами. А я пока сбегая в кусты... Замучила эта сухомятка...

Ивану только этого и надо было!

Он быстро прошёл в комнату, где стояла кровать, на которой ночью спал лейтенант, и выхватил из внутреннего кармана удостоверение личности командира РККА.

Ну, как настоящее, никаких следов подделки! Умеют, сволочи!

...Василий долго не хотел просыпаться. И на чердак лез нехотя, как из-под палки. Зато кварц поменял быстро и сразу настроился на нужную волну.

«Клиент у нас», – отбил ключом и моментально получил ответ:

«Смотрите за ним в оба. Завтра придут наши люди и сразу выяснят, тот он, за кого себя выдаёт, или нет».

Прочитав послание, командир группы смерил Ковальчука недобрым взором.

– У вас есть документы?

– Гевишь...¹²

– Потрудитесь предъявить!

– Битте...¹³ – Иван Иванович спокойно и без задержки предъявил удостоверение, реквизированное у настоящего профессора. Он практически ничем не рисковал, ибо на фото Селезнёв снимался лет пятнадцать тому назад. Тогда ему не было и тридцати, и его круглую голову украшал буйный, вьющийся, чубчик.

А теперь их обоих можно смело называть «склонными к облысению».

Лицо? Нос, уши и глаза есть у всех, а детали на пожелтевшей бумаге просто не разобрать!

– Простите, Вениамин Сигизмундович... – пробурчал лейтенант, видимо, осознав безосновательность своих подозрений.

– Ничего. Бывает...

– Завтра ждём гостей. До этого времени нужно хорошо отдохнуть. Всем спать. Я подежурю!

20. Хутор на Свитязе, ночь с 23 на 24 июня 1941 года

Всю прошлую ночь Иван не сомкнул глаз, но и в эту спать ему совершенно не хотелось... В голове путались мысли.

¹⁰ Верньер – приспособление для точной настройки радиоаппаратуры (техн.).

¹¹ Reis – чёрт (нем.).

¹² Gewiß – конечно (нем.).

¹³ Bitte – пожалуйста (нем.).

Война, немцы, Свитязь, профессор... Как связать их в единую геометрическую фигуру? И какую? Прямоугольник, квадрат, ромб?

Да, ещё... Что немцы забыли в этом заброшенном и Богом, и людьми уголке? Что?

«Нет, я обязательно во всём разберусь!» – в очередной раз дал сам себе крепкое слово контрразведчик и... сразу заснул.

Незадолго до рассвета в лесу «ожил» какая-то диковинная птица, начавшая издавать нечленораздельные звуки: «Грыза-чёв, грыза-чёв», такой, если верить удостоверению, была фамилия главаря диверсантов. Этот факт почему-то вызвал у Ковальчука приступ истерического смеха.

Он оделся и пошёл на улицу.

Гриша сладко спал на скамейке. Рядом «дремал» пулемёт Дегтярёва, прислонённый к стене дома.

– К-хы, – кашлянул капитан.

Грызачёв поднял голову и сфокусировал на нём мутный взгляд светло-синих глаз.

– А, это вы...

– Я.

– Не спится?

– Нет.

– А времени сейчас сколько?

– Четыре сорок пять.

– Может, искупаемся?

– А что? Я с удовольствием.

– Будите Пашку, хватит ему дрыхнуть...

Несмотря на то что к концу подходил первый месяц знойного лета, вода в озере была очень холодной. Но Грызачёву холод, кажется, нипочём; его белобрысая голова мелькала уже где-то на полпути к острову, а до него как-никак не одна тысяча метров, это Иван знал ещё с курса географии.

Дойдя до линии, разделяющей воду жёлтого цвета и голубого, чекист наконец решил окунуться. Уф!!! Где ты, Гриня? Не утони, а то твои друзья с меня скальп снимут! А мне жить надо. Чтобы выполнить свою миссию до конца, отдать, как говорится, Родине долг, отблагодарить за то, что вытасила меня, безземельного крестьянина, хлебопашца, из-под беспросветного панского гнёта, дала профессию, научила всем премудростям сложного чекистского дела...

21. Хутор на Свитязе, 25–26 июня 1941 года

На следующий день гитлеровцам ценой невероятных усилий и жертв удалось склонить чашу весов в свою пользу.

Пограничников и части пятой армии, и днём, и ночью оказывающих героическое сопротивление, цепляющихся за каждую пядь родной советской земельки, отбросили к Ковелю.

В 22 часа, когда уже стемнело, от длинной колонны оккупационных войск, потихоньку тянувшейся в сторону этого крупного железнодорожного узла, возле города Любомля отделились несколько автомобилей и повернули налево – в сторону знаменитого каскада Шацких озёр. Кто ехал в первом из них, с закрытым кузовом, разглядеть не представлялось возможным, а в открытых кузовах второй и третьей теснились десятки советских военнопленных.

В райцентре грузовики снова повернули налево и неспешно покатали за село Свитязь – в густой смешанный лес.

Около полуночи они наконец добрались до своей цели и остановились у заброшенного дома.

Несущий вахту Василий сразу поднял своих товарищей. Ковальчук услышал шум и тоже проснулся. Но виду не подал. Продолжал посапывать, лёжа на спине.

Грызачёв завернул машины за хату; военнопленные спрыгнули с кузовов и, сбившись в одну большую кучу, стали устраиваться на ночлег.

А из будки первой машины при помощи диверсантов вышли трое убелённых сединами мужчин и направились в дом. Для них целиком и полностью отвели одну из комнат.

Лейтенант собирался немедля разбудить «русского профессора», чтобы устроить ему тщательную проверку, но гости распорядились не делать этого до утра: мол, никуда не денется...

Больше Иван так и не уснул. Дождавшись рассвета, вскочил с кровати, оделся и под тяжёлым взором недремлющего Грини пошёл во двор. А вдруг это последний день в его жизни? Надо сполна насладиться солнцем, небом, щедростью живописной волынской природы...

Вокруг военнопленных на всякий случай ходил Павел, хотя те, испуганные, подавленные, грязные, голодные, и так не собирались никуда бежать.

А на лавке уже сидел один из гостей – невысокий очкарик лет шестидесяти с вьющимися, плохо подстриженными бакенбардами из прошлого века.

После долгой дороги ему явно не терпелось с кем-то пообщаться, и русский коллега под вернулся как нельзя кстати.

– Давайте знакомиться, я профессор Липке из Лейпцигского университета...

– Приятно!

– А вы тот самый Селезнёв?

– Да. Вениамин Сигизмундович.

– Я читал... Читал все ваши труды. Знаете, мне кажется, что больше вас для развития нашей отрасли, я имею в виду ядерную физику, не сделал никто...

– Ой, не льстите. Как вас зовут?

– Юрген-Клаус, не знали?

– Простите – запамятовал... Для нас, русских, двойные имена в диковинку...

В это время на улицу выскочил Грызачёв. В одном нижнем белье. Заметил мирно беседующих учёных и похлопал Ивана по плечу.

– Общаетесь?

– Так точно, – за обоих отчитался Липке. – Посидите, послушайте нашу дискуссию.

– Зачем?! Всё равно я в этом ничего не понимаю, – устало отмахнулся лейтенант и пошёл прочь.

А Юрген-Клаус ни на миг не умолкал:

– Вначале тридцатых я работал у Юри Гарольда в Колумбийском университете. Именно тогда он впервые обнаружил в природной среде молекулы тяжёловодородной воды и получил за это...

Ковальчук понимал, что ему надо вставить хоть что-нибудь, и наугад бросил:

– Нобелевскую премию.

А что ещё он мог сказать?

Как ни странно, угадал!

– Совершенно верно, – продолжал Липке. – А уже в 1933 году Гилберт Льюис кстати, наставник Юри, выделил чистую тяжёлую воду.

– Мы здесь, в Союзе, слишком мало знаем о работах американцев, – попытался неуклюже оправдать своё невежество Иван Иванович. – Но от них не отстаём, вы уж поверьте на слово.

– Верю! Кстати, у вас чудесный немецкий. Где учили?

– Да так... Стажировался в Берлине во времена нашей предвоенной дружбы.

Лучше бы он этого не говорил!

– Как? Вас, гениального учёного, который знает столько секретов, выпустили из СССР? – сразу же засомневался немец.

– Ну да, я же – член партии, преданный и верный. Был.

Они оба рассмеялись и на мгновение отвлеклись друг от друга, чтобы помахать ручками Грызачёву, медленно возвращающемуся в свои «апартаменты».

И тут Липке окончательно добил «коллегу»:

– Сегодня вечером к нам присоединятся двое физиков-химиков из Гумбольдтского университета, наверняка вы знакомы с ними лично.

И Ковальчук понял, что ему пора «делать ноги»...

– Простите, Юрген-Клаус, вы не хотите искупаться?

– Нет, что вы!

– А мы с лейтенантом никогда не упускаем случая...

– С удовольствием понаблюдаю за вами.

– Что ж, пошли...

Сначала капитан планировал взять Липке в заложники и скрыться вместе с ним, но вовремя одумался, поняв, что в таком случае немцы будут грызть землю, чтобы найти пропавшего... А если он исчезнет один, шансов выбраться живым из этой передраги будет несравненно больше.

Иван Иванович сложил свою одежду на песке и вошёл в воду.

Медлить не стал, забежал за камыши и пустился вдоль них вплавь, чтобы метров через двести снова выбраться на берег и в одних трусах рвануть в глубь леса.

Юрген-Клаус поднял крик только через полчаса:

– Селезнёв утонул!

Диверсанты сначала пронырjali всю прилегающую акваторию Свитязя, затем прочесали близлежащий лес, задействовав для этого наиболее крепких военнопленных, но Ковальчука и след простыл!

22. Волынская область УССР, леса между Любомлем и Ковелем, 25–26 июня 1941 года

Когда Иван Иванович, босой и чуть ли не донага раздетый, влетел в березовую рощу, там пас коров какой-то немолодой крестьянин, который, несмотря на лето, был в ватных штанах и фуфайке.

– Раздевайся! – скорчив на лице страшную гримасу, заорал Ковальчук. – Ну же!

– А я що, голый до дому пиду? Та мэнэ ж бабы засмиють!

– Давай быстрее! После победы верну!

– Ага... Вид вас, коммунякив, дочекаешься... В тридцать девятому золоти горы обицяли, а що выйшло?

Пастух продолжал ворчать, но сапоги снимать всё же начал.

– А ты, дед, оказывается, контра... Пристрелить бы тебя, да пистолета нет. И пули жалко!

– Ишь, какой ты жалостливый, москалик...

– Сам такой! Я з Кашивки, що биля Ковеля, можэ, чув? – наконец догадался перейти на родной язык чекист.

– Чув, звичайно... Так чому ж ты не по-нашему балакаешь? Бери, сынку, бери всё, потим пры нагоди виддасы!

– Дякую... Тилькы ж дывысь, нимцям про мэнэ – ни слова!

– Домовылысь.

Бежать в кирзовых сапогах, которые к тому же оказались на размер меньше и сильно жали, натирая до крови уставшие ноги, было невыносимо трудно. Порой хотелось снять их

и выбросить куда подальше. Но совсем без обуви – тоже никак! Особенно ночью. Пришлось терпеть...

Однако вскоре ему опять повезло.

Вечером Иван заметил возле одного из сёл на опушке леса подростка, что-то строгавшего острым самодельным ножом, и, позаимствовав ненадолго у него инструмент, отрезал носки сапог. Так, с торчащими наружу пальцами, и устроился на ночлег в халабуде, сооружённой деревенскими пастухами для того, чтобы было где укрыться от дождя и ветра.

А утром его разбудили чьи-то голоса:

– Дывись, Тымко, тут хтось е!

– А ну, вставай. Хутко!!!

Выйдя из укрытия, он увидел двух мужиков, немногим старше его. У одного из них на плече болталось охотничье ружьё.

– Кто такой? – процедил тот сквозь зубы.

– Иван я... Ковальчук.

– Звидкы?

– З Кашивкы... Це за Голобами¹⁴.

– Знаю... Що тут робишь?

– Не бачите, сплю.

– Невже дома не маешь?

– Кажу ж вам... Маю. У Кашивци!

– До неё еще тридцать километров топать...

– Я был у сестры, в Любомле... Аж раптом немец налетел, вот и мушу пробираться до дому лесами. У меня ж бо жинка, дети.

– Зрозумило. Що, Петре, нехай йде?

– Та нехай!

– Дякую!

– Йды, тилькы бильше нам не попадайся!

– Добре. А где Ковель, хлопцы?

– Вон там... За лисом. Чуешь выбухи?¹⁵

– Так.

– Это германец бомбит мисто. Уже пятый день поспиль¹⁶.

– Хиба Ковель не взяли?

– Ни. Там ще Советы хозяйнуют. Хочеш потрапыты до них у лапы?

– Боронь Боже.

– Тогда иди в обход.

– Зрозумив... Бывайте!

– Та иди уже, иди...

Выходит, Ковель ещё наш?

Ура!!! Это меняет дело!

Ковальчук весело помахал рукой незнакомцам и пошёл прямо на звуки разрывов бомб.

¹⁴ Голобы – в войну районный центр, а сейчас посёлок в Ковельском районе Волынской области Украины.

¹⁵ Слышишь взрывы? (укр.).

¹⁶ Поспиль – подряд (укр.).

23. Берлин, кабинет Шпеера, 26 июня 1941 года

Если провал группы Пухарта ещё можно было хоть как-то утаить (и оправдать), то о загадочном исчезновении русского профессора моментально узнали все высшие чины Третьего рейха.

Первым из посвящённых стал Шпеер, имевший личного осведомителя среди светил науки, отправленных в командировку на Свитязь.

Доложить всё, как есть, фюреру, он, ясное дело, не решился. Напротив, стал искать выход из создавшегося положения и немедленно вызвал к себе Штольце, головой отвечавшего за успех всей операции.

Ветеран абвера вытянулся в струнку перед штатским архитектором и не знал, что сказать в своё оправдание.

С одной стороны, пропажа Вениамина Сигизмундовича – серьёзный удар по «Урановому проекту», с другой – всё не так уж и плохо! Никаких свидетельств о том, что учёного похитили русские, у его ведомства нет.

Да и не было у противника на это времени. Не было!

Придя к такому выводу, Эрвин окончательно успокоился и уже до конца беседы не терял самообладания. Даже перешёл в контратаку, когда Альберт начал повышать голос:

– Мои люди действовали строго по инструкции, – вымолвил нарочито жёстко, постреливая злыми глазами. – Никто из них не мог предположить, что этот русский идиот поутру полезет в воду!

– Ладно... Завтра же под любым предлогом вы должны отправиться в Украину, чтобы лично разобраться на месте, что там происходит.

– Есть! – сухо улыбнулся полковник, в глубине души радуясь, что ему удалось выйти сухим из воды, и одновременно наслаждаясь невероятным везением: новый приказ полностью совпал с распоряжением начальника и тёзки – Эрвина Лахузена фон Вивремонта – и... его собственными планами. Штольце как раз собирался посетить оккупированную территорию для координации действий с украинскими националистическими организациями, лидеры которых давно состояли у него на связи, как, например, Степан Бандера (Серый), Андрей Мельник (Консул-1), Рихард Ярый (Консул-2).

24. Город Ковель, центр одноимённого района Волынской области Украины, 26 июня 1941 года

Ковель готовили к сдаче. Эвакуировали людей, взрывали промышленные предприятия, расстреливали узников тюрьмы, которые могли стать потенциальными предателями.

Все эти мероприятия осуществлялись в основном силами партаппарата и его карающего меча – органов госбезопасности, поэтому в здании, где располагался отдел НКВД, было немногочисленно.

– Вы к кому? – пытливно глядя в глаза Ковальчуку, поинтересовался дежурный офицер.

– Есть кто из начальства?

– Никак нет. Все на объектах! А вы кто будете?

– Капитан госбезопасности Ковальчук.

– Слыхал! – уважительно изрёк младший лейтенант.

– Срочно свяжите меня с Луцком. Мне нужно сделать доклад товарищу Белоцерковскому. Лично!

– Вы что, с Луны свалились? Связи давно нет. Ни с Луцком, ни с Киевом, ни с Москвой – диверсанты повалили все столбы в районе.

– А по рации?

– Радиостанции немцы пеленгуют и сразу уничтожают прицельным артиллерийским огнём.

– Понял...

– Простите, а документы у вас есть?

– Никак нет.

Дежурный потянулся за пистолетом.

– Отставить... Ты что, новенький?

– Так точно!

– Меня знает в лицо всё ваше руководство. Потрудитесь доложить!

– Есть!

Дежурный окликнул одного из сержантов и, ни на миг не выпуская из поля зрения подзрительного посетителя, велел бойцу срочно найти кого-нибудь из руководящего состава.

Сержант лихо козырнул и помчался выполнять приказание.

Спустя десять минут он вернулся в сопровождении невысокого худощавого парня в штатском, в котором Ковальчук без труда узнал офицера связи Проскурина по кличке Дробный.

– Ну, наконец-то... Саша, родной, делай что хочешь, только соедини меня с начальством.

– Ой, не знаю, товарищ капитан... Вчера Иван Митрофанович случайно дозвонился, но только поздоровался и сразу пропал.

– Чёрт возьми! Чёрт возьми!..

– Иногда связь пробивает, но обещать, сами понимаете, ничего нельзя.

– Сядь в коммутаторной – и жди. Может, объявится хоть кто-то: нарком, его заместители, начальник управления, командующий 5-й армией – сразу дай мне знать! Дело особой государственной важности.

– Сейчас, Иван Иванович, все дела такие, – философски рассудил Дробный.

Симпатичная телефонистка спокойно дремала у приборной доски.

Когда Проскурин передал ей просьбу Ковальчука, она что-то покрутила, чем-то пощёлкала и вдруг вполне отчётливо услышала голос, не узнать который было трудно, ибо он принадлежал не кому-нибудь, а наркому госбезопасности УССР товарищу Мешику.

– Павел Яковлевич! Это капитан Ковальчук! – выхватив трубку, заорал в микрофон Иван Иванович. – В районе Свитязя враг замышляет нечто очень странное...

– Иди ты в задницу со своим Свитязем! Где Ковельский гарнизон?

– Не могу знать... Передаю трубку лейтенанту госбезопасности Проскуру.

– Товарищ нарком, часть наших войск защищает город, часть по приказу командования сегодня утром выдвинулась в Луцком направлении, чтобы по пути соединиться с подразделениями пятой армии, отступающими от Владимира-Волынского и Локач, – бойко отрапортовал тот.

– Вернуть! Немедленно вернуть! – рассвирепел Мешик. – Луцк вчера сдали немцам.

– Есть вернуть! – по инерции ляпнул Дробный, после чего положил трубку и тяжело вздохнул, ибо как выполнить приказ, он конечно же не знал.

Ковальчук ещё требовал организовать ему встречу с партийным активом Ковеля, но после того, как Проскурин признался, что чуть ли не все руководители города и района бежали в Киев ещё в первый день войны прямо с пикника, который они по поводу выходного дня устроили в лесу между Ковелем и Маневичами¹⁷, куда добирались личным поездом, наконец

¹⁷ Маневичи – соседний с Ковельским районный центр Волынской области Украины.

угомонился и теперь спокойно сидел рядом с телефонисткой, обхватив двумя руками вдруг потяжелевшую голову.

Он наконец чётко осознал, что кроме как на себя самого рассчитывать в такой ситуации больше ни на кого не приходится, и собрался в дальнейшем действовать строго по обстоятельствам, исключительно в порядке личной инициативы.

Дверь скрипнула, и на пороге кабинета, в котором стоял коммутатор, появился высокий мужчина, загородивший своими широченными плечами весь проём, один из руководителей Ковельского городского отдела НКВД Загорулько.

- Иван Иваныч, дорогой, какими судьбами?
- Да вот, пробежал случайно мимо...
- Пошли ко мне, посекретничаем.
- Давай, я только этого и ждал.

25. Ковель, районный отдел НКВД, 26 июня 1941 года

- Хреновы наши дела, Митя...
- Я это давно понял.
- Прёт немец так, что волосы встают дыбом. Танк за танком, машина за машиной... Небо черно от самолётов, а наши, сталинские, соколы где, я спрашиваю?
- Где, где, в... Короче, сам знаешь, в каком месте.
- Точно...
- Под Ковелем, в Величке¹⁸, до войны аэродром был – мощь! Ни одна машина взлететь не успела. Все немец на земле раздолбал.
- Я с полсотни километров пешком шёл. Организованного сопротивления нигде не наблюдается. Красноармейцы по кустам прячутся, в бой идти не хотят. А всё потому, что связь отсутствует, взаимодействие между войсками.
- Спору нет – лучше нашего они к войне подготовились. Накануне вторжения просто забросали район диверсантами, кстати говоря, из числа нашего с тобой брата, украинцами по национальности. Те такую бурную деятельность развили, что просто капец. Ни одного целого столба не оставили. Кабеля телефонисты менять замахались.
- Ты, Митя, уходи с нашими войсками, а я дома останусь. Затихарюсь ненадолго – и за работу.
- Какую?
- Буду организовывать подполье, согласно предписаниям нашей организации. А ты, когда окажешься в безопасном месте, добейся встречи с самым большим начальством, Мешиком или, может быть, даже Берией. Назовёшь три фамилии. Запомни: Селезнёв, Штольце, Липке. Скажи, что все они здесь – на Свитязе. Для чего – пытаются разобраться Ковальчук, понял?
- Так точно.
- Заинтересует – пусть сразу присылают связника.
- Куда?
- В Кашовку. Я буду там.
- Понял... Оружие у тебя есть?
- Нет. Сдал Сурженко. Так спокойнее. А вот бумагу мне какую-нибудь на всякий случай выпиши.
- Пропуск?
- Типа того... Да посерьёзнее: оказывать всяческое содействие...
- Не положено. Только в установленной форме.

¹⁸ Велицк – деревня тогда в Голобском, теперь в Ковельском районе Волынской области Украины.

- Хорошо. Как сделаешь, так и будет. Печать не забудь поставить: районный отдел НКВД. Чтобы солидно было!
- Сделаем.
- Заранее благодарен.
- Не за что. Ты того, держись, Ваня... А я дойду, можешь не сомневаться, и всё в точности передам кому следует.
- Не сомневаюсь. Иначе б не сказал тебе ничего.

26. Ковель, 27 июня 1941 года

Общими силами Ковальчуку собрали котомку. Буханка хлеба и добрый кусок сала – что ещё надо украинцу для полного счастья?

На выходе из Ковеля стоял КПП.

Совсем юный лейтенант-пехотинец, недавно определённый в комендантскую службу, как раз поднял шлагбаум, пропуская большую группу красноармейцев.

– Куда это они? – с равнодушным видом справился чекист, то ли пытаюсь что-то уяснить для себя, то ли проверяя бдительность молодого офицера.

– А вам-то что? Документы! – показал зубы тот. – Не мирное время, как-никак, – война!

– Держите...

– «Гражданину Ковальчуку Ивану Ивановичу разрешается передвижение по городу Ковелю и Ковельскому району с 6:00 до 22:00...» Что, из тюрьмы освободились?

– Нет.

– Почему тогда гражданин, а не товарищ?

– Форма такая...

– «Заместитель начальника городского отдела НКВД Загорулько». Нет, вы точно уголовник. Или, может, буржуазный националист?

– Ну, зачем так, товарищ лейтенант? Может, я выполняю какое-то особое задание?

– Непохоже! Кто вам выписал пропуск?

– Лично лейтенант Загорулько.

– Имя-отчество?

– Дмитрий Евстафиевич.

– Как он выглядит?

– Два метра ростом. Косая сажень в плечах. Похож?

– Так точно. Можете идти, товарищ.

– Спасибо. И всё же... Куда это они?

– Военная тайна!

27. Территория в войну – Голобского, а сейчас Ковельского района Волынской области Украины, 27 июня 1941 года

Ковальчук догнал отряд красноармейцев и пошёл позади них по Луцкому шоссе. Совсем скоро он свернёт налево и направится на восток. Там, ровно посередине между Ковелем и Маневичами, лежит его родная Кашовка. Самое светлое, самое счастливое место на свете...

Капитан приветливо махнул рукой незнакомому бойцу из последней шеренги, время от времени поворачивавшему голову назад, показывая, что дальше ему с ним не по пути, и сошёл с мощёной дороги.

И вдруг вспомнил...

Всего в нескольких километрах от места, где он сейчас волею судеб оказался, находится небольшая деревенька Битень, где ещё до войны был тайно оборудован резервный командный пункт 5-й армии.

Именно там сейчас могут пребывать и Потапов, и Белоцерковский, и многие другие товарищи!

К тому же на КП точно есть связь с киевским и московским руководством...

Он весело улыбнулся (сам себе, лесу, солнцу) и побежал догонять скрывшихся за поворотом солдат.

28. Деревня Битень тогда Голобского, сейчас Ковельского района Волынской области Украины, 27 июня 1941 года

– Стой, раз-два! – скомандовал лейтенант, и колонна замерла у поворота на Битень.

А сам офицер решил проверить документы странного мужчины, увязавшегося за его отрядом ещё от Ковеля.

Ковальчук предъявил пропуск и по-военному добавил:

– Следую за вами в резервный командный пункт для встречи с начальником особого отдела.

– Становитесь в строй...

– Есть!

Капитан занял свободное место рядом с солдатом, с которым по пути обменивался дружескими знаками, и, как все, стал твёрдо чеканить шаг.

Скопление войск, спешно занимающих новую линию обороны после поражения под Луцком, было видно издали. Здесь и бойцы-артиллеристы первой противотанковой бригады Москаленко, и пехотинцы Федюнинского, и лётчики, и танкисты, и пограничники. Их явно недостаточно для организованного сопротивления врагу – большинство бойцов просто разбежались по лесам, и отряд, вместе с которым прибыл Ковальчук, был призван заткнуть образовавшуюся брешь.

Лейтенант лично сопроводил «приблуду» в штаб и доложил дежурному:

– Этот гражданин требует встречи с начальником особого отдела.

– Понял. Как вас представить?

– Иван Иванович Ковальчук.

– Звание у вас есть?

– Никак нет. Штатский я.

– Понял!

Красноармеец скрылся в бетонном бункере, ненадолго оставляя капитана наедине со своими большей частью грустными мыслями.

Опытный контрразведчик хорошо знал, что скоро к нему выйдет либо сам подполковник Белоцерковский, который в случае войны должен был занять пост начальника Особого отдела 5-й армии, либо (если Иван Митрофанович, не дай Боже, мёртв) кто-то из его заместителей, но всё равно нервничал.

Неизвестно, как воспримут его неожиданное воскрешение коллеги!

Однако то, что происходило дальше, превзошло все самые оптимистические ожидания.

Белоцерковский был не просто рад – счастлив!

– Ваня, дорогой, жив!!!

– Так точно жив, товарищ майор.

– А мы от тебя весточку получили...

– Какую?

- Вчера участковый Тур доставил в Битень профессора Селезнёва. Мы на этом деле столько плюсов перед Ставкой заработали!
- Рад стараться. Володя здесь?
- Здесь, где же ему быть? Он вышел к войскам 61-го полка под командованием Григория Сергеевича Антонова и дальше пробирался вместе с ним.
- Ну, слава богу.
- Что, веровать начал?
- Никак нет... Так, Иван Митрофанович, к слову пришлось.
- Как оказалось, профессор Селезнёв – наш ведущий специалист в области ядерных исследований. Конечно, сволочь ещё та! Ему, по всей видимости, была известна точная дата начала войны, ибо 21-го он выехал из Киева в Ковель, а уже оттуда добирался в деревню Свистязь.
- С какой целью?
- Это ты у него спроси.
- Спрошу... при первой возможности. А подполковник Сурженко?
- Георгий Георгиевич?
- Да. Я передал ему табельное оружие и служебное удостоверение.
- Можешь запить водой.
- Это почему же?
- Он даже свой партийный билет заханырил так, что не смог найти. Бросил оружие, переделся в гражданское платье...
- Платье?
- Но не в буквальном смысле, как его бабы понимают.
- Ясно... Вы как себе хотите, а я в предательство Георгия Георгиевича ни за что не поверю. Доверяю ему, как самому себе!
- Это хорошо, Ваня, очень хорошо, что ты не сомневаешься в товарищах. Но... Я уже поставил перед высшим руководством вопрос о лишении Сурженко воинского звания¹⁹.
- Зря. Честное слово – зря! Не наказывать его надо, а поощрять. Если б не бойцы 98-го погранотряда, немец давно взял бы Ковель!
- Ладно. Не горячись. В Москве с ним разберутся. Как всегда, честно и объективно.
- Ну да... Объективно! Главное, чтоб по справедливости...

29. Там же, часом позже

- А теперь рассказывай в подробностях об этом деле, – приказал Белоцерковский и только тогда представил своего спутника: – Михаил Иванович Потапов, командующий пятой армией РККА.
- Капитан госбезопасности Ковальчук.
- Помню. Мы с вами неоднократно общались по телефону. В Луцке, – приветливо улыбнулся командарм.
- Так точно.
- Прошу вас... Докладывайте... Ничего не упуская.

¹⁹ Парткомиссия, рассматривавшая дело Сурженко уже в октябре 1941 года, оставила его в прежнем звании. Георгию Георгиевичу объявили лишь строгий выговор с занесением в учётную карточку и отправили на равнозначную должность (начальником пограничного отряда) на Дальний Восток. Такая мягкость наказания свидетельствует о том, что многие обвинения в адрес подполковника оказались безосновательными.

– 21 июня к нам в управление поступил сигнал от капитана Ковалёва, заместителя начальника 98-го погранотряда по разведке, об активизации деятельности немецких диверсантов в зоне ответственности восьмой заставы.

– Товарища Старовойтова? – уточнил Потапов.

– Так точно.

– Молодой, но довольно толковый офицер, грамотный, честный.

– Так вот, его подчинённые подстрелили одного из лазутчиков. Как оказалось, радиста – Вилли Штоффа. Узнав об этом, Иван Митрофанович отправил меня в командировку в Любомль, и Вилли, уже по моему приказу, связался с Берлинским центром. Руководство поставило перед его группой, которую наши пограничники, кстати говоря, полностью разгромили, новое задание: выдвинуться в район озера Свитязь и поступить в распоряжение некоего профессора Вениамина Сигизмундовича Селёзнева. Я пришёл к выводу, что Центр вряд ли оставит без внимания такого ценного персонажа и непременно пошлёт за ним ещё одну группу, и решил её опередить. Как вы уже знаете, мне это удалось. Но на Свитязь неожиданно прибыла целая делегация из Германии, некоторые из учёных знали Селёзнева в лицо, и я не нашёл ничего лучшего, как инсценировать собственную смерть.

– А тело?

– Тела не было. Ушёл купаться и не вернулся.

– Вроде бы всё правильно, – внимательно выслушав рассказ капитана, пришёл к выводу Белоцерковский. – Только как узнать, что они удумали? У тебя есть какие-то идеи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.